

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОПТЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д.Н. Исаев

Рассматриваются история выделения коптяковского типа керамики и развитие взглядов на формирование коптяковской археологической культуры бронзового века Зауралья.

Эпоха бронзы, Зауралье, Притоболье, коптяковская культура, коптяковский тип керамики.

Одной из значимых в изучении эпохи бронзы Среднего Зауралья является проблема начальной фазы культурогенеза этого времени, в том числе выявление в этих процессах роли автохтонных культурных образований, и в частности коптяковской культуры.

Коптяковский тип керамики был выделен К.В. Сальниковым на основании анализа керамических комплексов поселения Коптяки 5 и др. (раскопки Н.Я. Рыжникова и О.Е. Клера в конце XIX в.) [Сальников, 1964. С. 7–10]. Документирования авторами раскопок фактически не производилось. В дальнейшем накопление материала происходило медленно и бессистемно, в результате чего рассматриваемая культура стала восприниматься как узкое локальное явление, ограниченное небольшим районом горно-лесного Зауралья. Однако работы последних лет заставляют по-новому взглянуть на данное культурное образование.

После работ В.Д. Викторовой и С.Н. Паниной на памятниках Палатки 1–2, давших материалы по жилым постройкам и погребальному обряду, появилась возможность говорить о выделении коптяковской археологической культуры. Отметим, что в вопросе о критериях археологической культуры мы придерживаемся точки зрения Л.С. Клейна, согласно которой «в основу такого понятия удобно было бы положить систему, состоящую из значительного ряда существенных типов, связанных сильной корреляцией и относящихся, по крайней мере, к нескольким из важнейших категорий археологического материала (керамика, способ погребения, облик жилища и поселения, набор орудий, оружия и украшений и т. п.» [1970. С. 51]. В дальнейшем представления о поселенческих сооружениях были расширены в результате работ на поселениях Чепкуль 5 и 20 на территории Тюменского Притоболья [Зах, Иванов, 2006. Рис. 2; Скочина, 2007. Рис. 1, с. 231–232]. Были получены представительные керамические комплексы, вызывающие определенные ассоциации с керамикой коптяковской культуры Урала и Зауралья. Также необходимо обратить внимание на раскопки уникального памятника Шайтанское Озеро 2, являющегося культовым местом [Сериков и др., 2009]. В связи с этим представляют интерес история изучения и современное состояние проблемы коптяковской культуры.

Коптяковский тип посуды был впервые охарактеризован К.В. Сальниковым по материалам памятников Коптяки 1, 3, 5. Посуда имеет плоскодонную горшковидную форму. Характерна примесь талька в тесте. Обычна очень высокая чуть отогнутая шейка, на месте стыка шейки и тулова почти всегда обозначен четкий острореберный переход, венчик уплощенный. Встречаются сосуды баночной формы. В большинстве случаев орнамент наносился почти исключительно оттисками гребенки. Часто использовалась широкозубая гребенка, напоминающая гусеничный штамп [Сальников, 1964. Рис. 2, с. 7–10].

В орнаментации коптяковской керамики К.В. Сальников отмечал присутствие черт, с одной стороны, аятской посуды, с другой — андроновской. Он считал, что появление коптяковской керамики в Зауралье «не нужно связывать ни с проникновением, ни с влиянием андроновской культуры. Она возникла в лесном Зауралье самостоятельно в процессе развития местной культуры предшествующего времени» [Там же. С. 10].

Определяя хронологическую позицию коптяковской керамики, К.В. Сальников полагал, что она старше черкаскульской посуды. Кроме того, по его мнению, территория распространения культур не совпадает — для коптяковских памятников он отводил районы к северу от ареала черкаскульской культуры. Поэтому ученый пришел к выводу, что сложение коптяковской и черкаскульской культур произошло на разных территориях, приблизительно в одно и то же время — в середине II тыс. до н.э. Впоследствии, удревнив черкаскульскую культуру, он не затрагивал вопрос о хронологии коптяковских памятников [Сальников, 1964].

История изучения коптяковской культуры

Л.П. Хлобыстин в значительной мере поддержал первоначальные суждения К.В. Сальникова о коптяковской керамике. В частности, по мнению исследователя, в ней ярче, чем в какой-либо другой посуде бронзового века Зауралья, проявилось сочетание черт местной гребенчатой керамики аятского типа с признаками орнаментации посуды алакульской культуры. От раннебронзовой автохтонной посуды коптяковская унаследовала удлиненные пропорции, тонкостенность, примесь талька и многие приемы орнаментики. К последним относятся плотность и узкая поясковость орнамента, пояски из наклонных и вертикальных отпечатков гребенчатых штампов, ямки и уголкового вдавления. Пояски, в которых чередуются наклонные оттиски гребенки с гладкими неукрашенными участками, типичны как для коптяковской керамики, так и для аятской. Это же отмечалось им и для чередования зон, украшенных ромбами или зигзагами с поясками, заполненными гребенчатыми оттисками. Однако, отметил он, те же ромбы и зигзаги, а также треугольные флажки имеются и на алакульской посуде. С алакульской керамикой коптяковскую роднит плоскостность и ребристость, общие очертания сосудов. Появление неорнаментированной зоны — поясков узора около дна однозначно оценивается как алакульское влияние. Меандры разных видов, косые треугольники, крупные косые кресты, а также, возможно, выраженные ступеньками, Г-образные добавления к зигзагу — также результат влияния алакульской культуры [Хлобыстин, 1976].

Суммировав ранее рассматривавшиеся факты, Л.П. Хлобыстин приходит к выводу, что коптяковская керамика — сплав двух традиций: местной, опирающейся на достижения аятской культуры, и привнесенной алакульской, т.е. она является гибридной. Этот вывод дает возможность определять относительный возраст коптяковской керамики временем появления ранней алакульской керамики и заключительным этапом развития аятской культуры [Там же].

В целом, по мнению Л.П. Хлобыстина, коптяковская керамика во многом сопоставима с черкаскульской, подобно алакульской и федоровской, но из-за влияния раннебронзовой керамики, ярко выраженного в орнаментике коптяковской культуры и слабо проявившегося в орнаменте черкаскульской культуры, разница между этими типами керамики больше, чем между алакульской и федоровской. Однако коптяковские и черкаскульские сосуды сближают, кроме андронидных признаков, такие специфические черты, как уголкового вдавления, бахрома, частое использование ямок, решетчатый орнамент, пояски наклонных оттисков гребенчатого штампа, чередующиеся с пустым пространством [Там же].

Подводя итоги, Л.П. Хлобыстин констатировал, что коптяковская культура предшествует черкаскульской на лесных территориях Зауралья и сложилась в результате продвижения ранних алакульцев с территории северо-западного Казахстана в лесное и лесостепное Зауралье и их ассимиляционного воздействия на местную аятскую культуру. Начало этого процесса приходится на XVI–XV вв. до н.э., а существование коптяковской посуды следует отнести к XV–XIV вв. до н.э. Позднее население Южного Урала приняло участие в сложении черкаскульской культуры, наследницы коптяковской культуры. Кроме того, ученый отметил, что керамические комплексы, чрезвычайно близкие к коптяковской керамике, обнаружены в окрестностях Тюмени [Там же].

Обобщив ранее накопленный материал, М.Ф. Косарев предпринял попытку скорректировать хронологические рамки выделенного им коптяковского этапа, который он включил в самусьско-сейминскую эпоху. По его мнению, хронологические рамки этапа определяет генетическая близость коптяковской керамики, следующей за аятской, с одной стороны, и черкаскульской и федоровской, с другой, т.е. типологическое место коптяковской орнаментации в развитии андроновского декоративного комплекса.

Учитывая предложенную им ранее датировку аятских памятников и тот факт, что черкаскульские и андроновские памятники никто из исследователей не считал древнее XIII в. до н.э., хронологические рамки коптяковского этапа должны были быть определены XVI–XIV или XVI–XIII вв. до н.э. Уточняя хронологию, М.Ф. Косарев отметил, что коптяковские древности должны быть синхронны абашевским (баланбашским) [1981. С. 287]. В связи с этим он обратил внимание на ряд сходных черт в коптяковской и баланбашской посуде: острорреберность, присутствие в орнаментике зигзагообразных гребенчатых полос и ступенчатых фигур, характерных горизонтальных ромбических поясов, выполненных гребенчатым штампом, и др. Исходя из трактовки острорреберности как хронологического признака, он предполагал, что раннюю коптяковскую керамику можно синхронизировать с петровской (ранней алакульской) Северного Казахстана, для которой острорреберная форма достаточно характерна [Там же].

Во второй половине 80-х гг. коптяковская проблема получила новое звучание, поскольку в результате раскопок С.Н. Паниной и В.Д. Викторовой в Среднем Зауралье начали выделяться комплексы керамики, условно названные предкоптяковскими. Они характеризуются сосудами закрытой баночной формы с длинной шейкой, намечающимся ребром посередине сосуда и, вероятно, округлым или слегка уплощенным дном. Венчик плоский или округлый с сильно выделенным длинным, до 1 см, скосом (наплывом изнутри). Орнаментирован весь сосуд, включая венчик и скосы изнутри. Зональность узоров горизонтальная, с оставлением между ними более крупных пустых зон, чем на аятской посуде. Орнамент гребенчатый изящный, мелкозубчатый, геометрический, в виде мелких цепочек ромбов, треугольников, зигзагов, рядов косых линий, в сочетании с ямочными вдавлениями и поясками шагающей гребенки [Викторова, 2001].

Этот тип керамики, по мнению А.Ф. Шорина, с одной стороны, близок аятскому, но с другой, по форме и декору (ребра, ряды прямых и наклонных линий, ограниченные поясками подтреугольных вдавлений), — предвосхищает коптяковскую посуду. В типологической схеме развития орнаментального комплекса культур лесного Зауралья этот тип посуды занимает промежуточное положение между энеолитическими аятскими и коптяковскими комплексами. Однако абсолютных дат указанных комплексов нет. Далее А.Ф. Шорин, рассматривая генезис уральских культур бронзового века, все-таки отмечает какое-то инокультурное (во всяком случае, не лесное зауральское) влияние. Коптяковская керамика формировалась, в отличие от черкаскульской, не на основе округлодонного сосуда, а иным, близким для петровской и алакульской, способом. Она покрыта изящным ангобом, имеет четко выраженное ребро посреди сосуда и высокую шейку, часто с плоским венчиком, что также сближает ее с петровскими и алакульскими формами. В коптяковской орнаментальной схеме присутствуют ступенчатые фигуры, зигзагообразные и гребенчатые пояски, горизонтальные гребенчатые цепочки ромбов и т.д., что сближает эту посуду с баланбашской. Немногочисленные бронзовые изделия, которые происходят, скорее всего, из коптяковских комплексов, имеют самусьско-сейминские параллели [Шорин, 1999].

Все это позволило А.Ф. Шорину датировать коптяковские комплексы концом второй четверти — серединой II тыс. до н.э., в пределах бытования памятников сейминско-турбинского абашевского и синташтинско-петровского хронологических горизонтов, т.е., по его мнению, коптяковские комплексы сформировались в Среднем Зауралье чуть ранее, чем черкаскульские. В их сложении, с точки зрения ученого, помимо лесного гребенчатого компонента, определенную роль сыграли импульсы, связанные с активными процессами культурогенеза, происходившими около II тыс. до н.э. в юголесной, лесостепной и северостепной зоне Евразии в среде синташтинско-петровских и абашевских групп населения. Но в конечном счете эти импульсы не оказались решающими для исторических судеб населения лесного Зауралья. Коптяковская орнаментальная традиция не получила здесь дальнейшего развития и была, видимо, быстро «задавлена» родственной, но все же отличной черкаскульской, которая также формировалась на базе развития энеолитических традиций гребенчатого геометризма [Там же].

На основании материалов раскопок поселений Палатки 1 и 2 В.Д. Викторова разделила комплексы коптяковской керамики на два типа. Наиболее интересна керамика второго типа поселения Палатки 2, для которой характерен прочерченный способ орнаментации. Узкие прочерченные линии выполняли функции разделительных зон, иногда ими наносились узоры по тулову. Треугольные уголки выполнены небрежно и иногда заменены округлыми ямками. Новыми узорами являются косоугольные треугольники, ромбы и зигзаг, усложняющиеся отростками, намного чаще употребляется меандр, узор «водоплавающих птиц» трансформируется в «уточек». Наряду с плоскими венчиками отмечаются округлые. Орнамент по внутренней стороне сосуда под венчиком отсутствует. Учитывая, что указанная группа керамики выделяется стратиграфически, В.Д. Викторова делает вывод о более позднем периоде существования этого керамического комплекса по отношению к керамике с классической коптяковской орнаментальной традицией [1999].

Выделение рассмотренного типа коптяковской посуды позволяет более обоснованно атрибутировать керамические комплексы поселения ЮАО 6 как коптяковские [Юрская, 1973. Рис. 6]. Ранее, ввиду малочисленности материалов, отмечая коптяковские черты, В.И. Стефанов и О.Н. Корочкова испытали затруднения в интерпретации данных с этого памятника и высказали предположение о том, что памятники типа ЮАО 6 соответствуют стадии уже не контактов, а непосредственного взаимодействия носителей различных культурных традиций, в результате которого происходит формирование комплексов смешанного облика. По их мнению, ни один из

История изучения коптяковской культуры

компонентов таких комплексов не поддается культурной идентификации — отчасти из-за малочисленности и невыразительности имеющихся серий, отчасти из-за того, что взаимодействующие компоненты подверглись трансформации, изменившей их первоначальный облик. Более или менее ясно происхождение одного из них (суперстрата) можно связать с культурой андроновской общности, скорее с алакульской (находящейся в той стадии, когда в профилировке посуды еще сохраняется ребристый профиль), чем с какой-либо другой [Стефанов, Корочкова, 2000].

Таким образом, суммировав вышеприведенные факты, можно выделить следующее: во-первых, наблюдается устойчивая тенденция усматривать истоки коптяковской культуры в аятских древностях; во-вторых, в сложении культуры отмечается участие некоего южного элемента, либо непосредственно, либо опосредованно; в-третьих, считается, что в хронологическом отношении коптяковские памятники наследуют постаятским и предшествуют федоровским, служа основой генезиса черкаскульской культуры (?).

Однако, как отмечалось выше, результаты археологических работ последнего десятилетия существенно изменили взгляды на памятники коптяковского типа. Так, следует согласиться с мнением уральских ученых о том, что указанная культура в свете новых открытий приобретает статус мощного образования, сложившегося на местной основе под влиянием сейминско-турбинских и петровско-алакульских популяций [Сериков и др., 2009].

Вместе с тем расширение ареала до Тюменского Притоболья заставляет говорить о вероятности формирования комплексов, подобных коптяковским, на этой территории, так как материалов, подобных постаятским, здесь не фиксируется. Необходимо также обратить внимание на второй тип коптяковской керамики, орнаментированный преимущественно в прочерченной технике. Выделение его позволяет рассматривать керамический комплекс поселения ЮАО 6 как коптяковский, аналогичная посуда была обнаружена и на поселениях Чепкуль 5 и 20 [Зах, Иванов, 2006; Зах, Скочина, 2006; Скочина, 2007]. Таким образом, наличие прочерченного элемента в орнаментике ставит вопрос о возможном участии в сложении указанной культуры носителей ташковской орнаментальной традиции, особенно учитывая признаваемый многими исследователями синкретичный характер последней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Викторова В.Д. Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // III Берсовские чтения. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 49–54.

Викторова В.Д. Погребальные комплексы на острове Каменные палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Вып. 4. С. 95–107.

Зах В.А., Иванов С.Н. Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // ВААЭ. 2006. № 7. С. 12–21.

Зах В.А., Скочина С.Н. Раскопки многослойного поселения Чепкуль 20 // Там же. С. 231–234.

Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37–51.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 287 с.

Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАУ. 1964. Вып. 6. С. 5–23.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро 2: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2. С. 67–78.

Скочина С.Н. Результаты раскопок многослойного поселения Чепкуль 5 (предварительное сообщение) // ВААЭ. 2007. № 8. С. 231–234.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. С. 12–41.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья. Л.: Наука, 1976. С. 65–70.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. С. 97–101.

Юровская В.Т. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 3–20.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article cites data on historiography of singling out the Koptyaky pottery type and evolution of the ideas regarding development of the Koptyaky archaeological culture of the Bronze Age in the High Urals basin.

Bronze Age, High Urals basin, Low Tobol basin, the Koptyaky culture, the Koptyaky pottery type.